

Мир приключений

Джозеф Конрад

Джозеф Конрад
Прыжок за борт

Прыжок за борт

Джозеф Конрад — один из выдающихся английских прозаиков, мастер психологической прозы, вплетенной в канву приключенческого жанра. В числе учеников и последователей этого великого писателя — Э. Хемингуэй, У. Фолкнер, Г. Грин. В основе большинства романов Конрада лежат реальные истории о морских путешествиях, ведь сам автор плавал на различных судах, пройдя путь от моряка до капитана. Многие произведения Конрада были успешно экранизированы.

Джим с детских лет грезил об опасных морских путешествиях, о штормах и бурях, о команде настоящих морских волков. И вот его мечта сбылась: Джим стал помощником капитана. Но неисправное судно едва не терпит крушение, жизнь 800 пассажиров под угрозой, а трусливый капитан бросает людей в беде. Джим не может простить себе малодушия и готов предстать перед судом, хотя другие члены команды попросту сбежали от правосудия... Познавший всю горечь предательства и несправедливости, позора и обвинений в трусости, Джим отправляется в леса Малайи, дабы там испытать свою судьбу и начать новую жизнь.

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4556-3

9 786171 245563

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Мир приключений

Джозеф
Конрад

Прыжок за борт

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

ПРЫЖОК ЗА БОРТ

ВСТУПЛЕНИЕ АВТОРА

*Уверенность моя крепнет
с того момента, когда дру-
гая душа разделит ее.*

Новалис

Когда я выпустил этот роман отдельной книгой, критики написали, что я вышел за рамки задуманного. Кое-кто из них утверждал, будто я начал новеллу, а затем она так разрослась, что уже не подчинялась мне. Они напоминали: повествовательная форма имеет свои законы, и ни один человек не может говорить слишком долго, а другие — долго его слушать.

Около шестнадцати лет я раздумывал над этим суждением, и, признаться, не согласен с ним. Нередко люди — в тропиках и в умеренном климате — просиживали ночи напролет, рассказывая друг другу невероятные истории. Здесь перед нами лишь одна из них, но повествователь говорит с перерывами, что позволяет слушателям отдыхать; к слову сказать, история эта интересная. Не будь она таковой, я никогда не стал бы ее писать. Что же касается читательской выносливости, замечу: парламентские ораторы произносят свои речи по шесть часов подряд, и публика их слушает, тогда как рассказ моего героя Марлоу можно прочесть вслух менее чем за три часа. Ну а помимо всего прочего, представим, что в тот вечер подавались прохладительные напитки, помогавшие и рассказчику, и слушателям довести историю до конца.

Я задумал написать рассказ, темой которого выбрал эпизод с паломническим судном. Таков был первоначальный план. Написав несколько строчек, я остался недоволен и на время отложил работу. Я не вынимал рукопись из ящика стола, пока мистер Уильям Блэквуд, ныне покойный, не предложил мне дать что-нибудь в его журнал. Вот тогда-то мне показалось, что эпизод с судном «Патна» нужно развернуть в повесть. Те немногие страницы, что лежали у меня в ящике, повлияли на выбор темы, но все остальное я написал заново.

Мне задавали вопрос, не является ли эта книга самой любимой из всех мной написанных. Я ненавижу фаворитизм и в общественной, и в частной жизни; столь же враждебен он мне и тогда, когда речь идет об отношении автора к своим произведениям. Фаворитов я не хочу иметь принципиально, однако не стану отрицать, что мне нравится, когда хвалят историю про моего Джима. Тут не обошлось без курьезов...

Один мой друг вернулся из Италии, где беседовал с дамой, которой эта книга не понравилась. Конечно, я расстроился, но больше всего меня поразила причина такой неприязни. «Вы знаете, — сказала дама, — все это как-то болезненно». Такая оценка навела меня на некоторые размышления. Похоже, моя читательница не являлась итальянкой, я даже сомневаюсь в том, была ли она жительницей континента. Во всяком случае, ни один европеец не счел бы болезненной ту остроту, с какой человек реагирует на утрату чести. Подобная реакция либо ошибочна, либо правильна; быть может, ее сочтут искусственной и осудят; наверное, мой Джим как тип встречается не очень часто, но я заверяю читателей, что он — не плод извращенной фантазии. Однажды солнечным утром в будничной обстановке одного из восточных портов я видел, как он прошел мимо, умоляющий, выразительный, безмолвный, в тени облака. Таким он и должен быть. И со всем сочувствием, на какое я способен, я должен найти нужные слова, чтобы рассказать о нем. Он был одним из нас...

Джозеф Конрад

Июнь, 1917 год

ГЛАВА I

Тщеславие — это суетно

Ростом он был, пожалуй, на один-два дюйма меньше шести футов, крепко сложен; слегка сгорбившись, он шел прямо на вас, опустив голову и пристально глядя исподлобья, что вызывало в воображении образ быка, бросающегося в атаку. Голос у него был глубокий и громкий, а держал он себя так, как будто упрямо добивался признания своих прав. Однако в этом не было ничего враждебного. Казалось, эта настойчивость обуславливалась необходимостью и, по-видимому, относилась и к нему самому, и ко всем окружающим. Одет он был всегда безупречно, с ног до головы в белом и пользовался большой популярностью в различных восточных портах, где служил клерком в фирмах, снабжавших суда морской утварью.

От морского клерка не требуют никаких дипломов, но он должен обладать деловой сноровкой. Его обязанности заключаются в том, чтобы в лодке или на катере обгонять конкурентов, первым подплыть к судну, готовому бросить якорь, и приветствовать капитана, вручая ему проспект своей фирмы, а когда капитан сойдет на берег, нужно уверенно направить его к большой, похожей на пещеру лавке. Там можно найти все, чтобы украсить судно и сделать его пригодным к плаванию, начиная с крюков для цепей и заканчивая листовым золотом для украшения кормы.

Торговец встречает капитана, которого никогда прежде не видел, как своего родного брата. Он ведет его в прохладную гостиную с креслами, бутылками, сигарами, письменными принадлежностями и копией торговых правил. Радушный прием растапливает соль, за три месяца плавания накопившуюся в сердце моряка. Знакомство поддерживается благодаря ежедневным визитам морского клерка, до тех пор пока судно остается в порту. К капитану клерк относится, словно верный друг и внимательный сын, проявляет терпение Иова и держит себя веселым и добрым малым. Счет посылают позже. Какое

прекрасное и добропорядочное занятие! Вот почему хорошие морские клерки встречаются редко.

Если расторопный клерк вдобавок знаком с морем, хозяин платит ему приличные деньги и делает кое-какие поблажки. Джим всегда получал неплохое жалованье и пользовался такими привилегиями, какие завоевали бы верность врага. Тем не менее, с черной неблагодарностью он внезапно бросал службу и уезжал. Неубедительность объяснений, какие он давал своим хозяевам, была очевидной.

— Вот болван, — говорили они, как только он закрывал за собой дверь. — И чего ему не хватало?

Таково было их мнение об его утонченной чувствительности.

Для белых, живших на побережье, и для капитанов судов он был просто Джим. Имелась у него, конечно, и фамилия, но он старался, чтобы ее не знали. Это инкогнито, дырявое, как решето, преследовало целью скрывать не его, Джима, личность, а некий давний факт его биографии. Когда о нем начинали говорить, наш герой тут же покидал порт, где в тот момент находился, и отправлялся в другой — обычно дальше на восток. Он служил в морских портах, ибо был моряком в изгнании, оторванным от моря, и отличался сноровкой, очень удачной для морского клерка. Нередко он отступал туда, где восходит солнце, но судьба мчалась за ним, и некоторые события его жизни получали огласку — случайно, но неизбежно.

Шли годы, и о Джиме узнавали в Бомбее, в Калькутте, Рангуне, Пекине, Батавии — везде как о морском клерке. Впоследствии, когда острое сознание невыносимости своего положения окончательно оторвало его от морских портов и белых людей и увлекло в девственные леса, малайцы поселка, где он скрылся, стали называть его туан Джим, то есть лорд Джим.

Родился он в пасторской семье. Маленькая церковь на холме виднелась, словно мшистая серая скала, сквозь рваную завесу листвы. Столетия стояла она здесь, но деревья вокруг помнят, наверное, как был положен первый камень. Внизу, у подножия холма, мягко отсвечивал красный фасад пасторского дома, окруженного лужайками, цветочными клумбами

и соснами; позади дома находился фруктовый сад, налево — мощный скотный двор, а к кирпичной стене прилепилась покатая стеклянная крыша оранжереи. Здесь семья жила в течение нескольких поколений. Джим был одним из пяти сыновей, и когда, начитавшись во время каникул беллетристики, он обнаружил свое призвание моряка, его немедленно отправили на учебное судно для офицеров торгового флота.

Там он учился тригонометрии и искусству лазить по реям. У него была хорошая успеваемость. По навигации он занимал третье место и состоял гребцом на первом катере. Здоровый, не подверженный головокружению, он ловко взбирался на самые верхушки мачт. Его пост был на формарсе, и с гордостью человека, презирающего все опасности, он часто смотрел оттуда вниз на мирное полчище крыш, перерезанное надвое темными волнами потока; разбросанные по окраинам фабричные трубы, тонкие, как карандаш, и изрыгающие дым, как вулкан, вздымались перпендикулярно грязному небу. Джим видел, как внизу под ним отчаливали большие корабли, непрерывно двигались паромы и шныряли лодки, а вдали мерцали туманный блеск моря и надежда на волнующую жизнь в мире приключений.

На нижней палубе под гул двухсот голосов Джим забывался и в мечтах заранее проживал жизнь на море, о которой знал из книг. То он спасал людей с тонущих судов, то в ураган срубал мачты или с веревкой плыл по волнам, то, потерпев крушение, одиноко бродил босой и полуголый по рифам в поисках съедобных ракушек, чтобы отсрочить голодную смерть. Он сражался с дикарями в тропиках, умирал бунт, вспыхнувший во время бури, и на маленькой лодке, затерянной в океане, поддерживал мужество в отчаявшихся людях, всегда преданный своему долгу и непоколебимый, как герой из книжки.

Что-то случилось. Все сюда! Он вскочил. Мальчики взбежали по трапам. Сверху доносились крики, топот, и, выбравшись из люка, он, ошеломленный, застыл на месте. Были сумерки зимнего дня. С полудня ветер стал свежеть, движение на реке прекратилось, и теперь он дул с силой урагана; его гул походил на залпы огромных орудий, бьющих через океан. Дождь был

косой, падала хлещущая сплошная завеса, изредка перед глазами Джима вставали набегающие волны, суденышко билось у берега, неподвижные строения вырисовывались в плавающем тумане, тяжело раскачивались паромы на якоре, задушенные брызгами. Следующий порыв ветра, казалось, все это смыл. Воздух словно состоял из одних брызг. В этом шторме было злобное упорство, в визге ветра, в смятении земли и неба — ярость и настойчивость. Эта ярость как будто была направлена против него, Джима, и он в страхе затаил дыхание.

Кто-то его толкал:

— Спустить катер!

Мальчики пробежали мимо него. Каботажное судно, шедшее к пристани, врезалось в лежавшую на якоре шхуну, и один из инструкторов учебного судна видел, как это произошло. Ученики вскарабкались на перила, окружили боканцы и закричали:

— Авария! Как раз перед нами! Мистер Симонс видел!

Джима отпихнули к бизань-мачте, и он уцепился за веревку. Старое учебное судно дрожало всем корпусом, а снасти низким басом тянули песнь о днях былой юности. Джим видел, как лодка быстро исчезла за бортом, и бросился к перилам. Слышен был плеск:

— Отдать канаты!

Он перегнулся через перила. Вода у борта кипела и пенилась. В темноте виднелся катер, весь во власти ветра, и валы, которые на секунду пригвоздили его борт о борт к судну. Слабо донесся чей-то голос с катера:

— Гребите сильнее, иначе нам никого не спасти!

Вдруг катер, высоко подбросив нос — весла были подняты, — перескочил через волну и разорвал цепи, в которые его заковали волны и ветер. Кто-то схватил Джима за плечо:

— Опоздал, малыш!

Капитан учебного судна опустил руку на плечо мальчика, казалось, собиравшегося прыгнуть за борт, и Джим, мучительно сознавая свое поражение, поднял на наставника виноватые глаза. Капитан сочувственно улыбнулся:

— В следующий раз тебе повезет. Научишься сноровке!

Катер приветствовали громкими радостными криками, он вернулся наполовину залитый водой, танцуя на волнах, а на дне его копошились два измученных человека. Грозный гул моря и ветра казался Джиму не стоящим внимания, тем острее сожалея он о том, что испугался их бессильной угрозы. Он верил, что шторм ему больше нипочем. Он не побоится и более серьезной опасности. Страх прошел бесследно, но весь вечер Джим мрачно держался в стороне, а гребец катера, мальчик с красивым лицом и большими серыми глазами, наслаждался славой героя палубы. Его обступили и с любопытством расспрашивали. Он рассказывал:

— Я увидел его голову на волнах и опустил багор в воду. Крючок зацепился за его штаны, а я чуть не свалился за борт, думал, что упаду, но тут старый Симонс выпустил румпель и ухватил меня за ноги, лодка едва не опрокинулась. Симонс — славный старик. Не велика беда, что он всегда ворчит. Пока он держал меня за ноги, то все время ругался, но этим он хотел внушить мне, чтобы я не выпускал багор. Мистер Симонс ужасно кипятился, правда. Нет, я поймал не того маленького белокурого, а другого, большого с бородой. Когда мы его вытащили, он простонал: «Ох, моя нога! Моя нога!» — и закатил глаза. Подумайте только, такой здоровый парень падает в обморок, словно девчонка. Разве мы лишились бы сознания из-за какой-то царапины багром? Я лично не лишился бы! Крючок вонзился ему в ногу вот на такой кусок. — Мальчишка показал, на какой именно, чем вызвал сенсацию публики. — Крючок, конечно, вырвал кусок мяса, но штаны выдержали. Кровь так и хлестала!

Джим решил, что тщеславие — это суетно. Буря вызвала героизм столь же фальшивый, как фальшива была угроза шквала. Джим негодовал на дикое смятение земли и неба, заставшее его врасплох и задушившее готовность встретить опасность. Отчасти он был рад, что не попал на катер, ибо приобрел больше, оставаясь на борту. Много стало ему понятнее, чем тем, кто участвовал в деле. Если бы все вдруг утратили мужество, он один сумел бы встретить фальшивую угрозу ветра и волн — в этом он был уверен. Он знал, чего она стоила. Ему, беспристрастному зрителю, она казалась достойной презрения. Он

не ощущал ни малейшего волнения, и происшествие закончилось тем, что Джим ликовал, незаметно отделившись от шумной толпы мальчиков; он по-новому убедился в своей жажде приключений и многогранном мужестве.

ГЛАВА II

«Патна»

После двух лет учебы он ушел в плавание, и жизнь на море, о которой он так долго мечтал, оказалась напрочь лишенной приключений. Он совершил много рейсов, познал будни монотонного существования между небом и землей, ему приходилось терпеть упреки начальства, взыскательность моря и прозаически суровый повседневный труд ради заработка. Единственной наградой для него являлась безграничная любовь к своему делу, отказаться от которого он не мог, ибо нет ничего более пленительного, разочаровывающего и поработашающего, чем жизнь на море. Кроме того, у Джима были виды на будущее. Он проявлял старание, дисциплинированность и в совершенстве знал, чего требует от него долг. Вскоре, совсем молодым, его назначили первым помощником на судно «Патна». Наверное, к тому времени он еще не успел столкнуться с теми испытаниями моря, которые выявляют, чего на самом деле стоит человек, из какого теста он сделан, каковы его нрав, сила сопротивления опасностям и подлинные мотивы стремлений.

Лишь однажды за время службы Джим снова столкнулся с подлинной яростью моря. На молодого человека упал брус, и много дней Джим пролежал на спине, оглушенный, разбитый, измученный, чувствуя себя в бездне непокоя. Что будет дальше, его не интересовало, боль он переносил равнодушно. Опасность, когда ее не осознаешь, менее мучительна. Страх приглушается, а воображение, враг спокойствия, тонет в тупой усталости.

Джим видел перед собой только свою каюту, терзаемую качкой. Он лежал, как замурованный: на его глазах предметы об-

рушивались и переворачивались вверх дном, и он втайне радовался, что в такую стихию ему не нужно подниматься на палубу. Но тревога изредка сжимала, как тиски, его тело, заставляла задыхаться и корчиться под одеялом, и тогда страстная жажда жить и победить физический недуг пробуждала в нем отчаянное желание спастись любой ценой. Когда буря миновала, он больше не вспоминал о ней.

Однако после травмы он долго хромал, и, когда судно прибыло в один из восточных портов, Джиму пришлось лечь в госпиталь. Поправлялся он медленно, и «Патна» ушла без него. Кроме Джима в палате для белых было двое больных: комиссар* с канонерки, который сломал ногу, провалившись в люк, и железнодорожный агент из соседней провинции, страдающий какой-то тропической болезнью. Доктора этот агент считал ослом и злоупотреблял лекарством, которое тайком приносил ему преданный слуга. Больные рассказывали друг другу случаи из своей жизни, играли в карты или валялись по целым дням в креслах, зевая и не обмениваясь ни единым словом. Госпиталь стоял на холме, и легкий ветерок, врываясь в раскрытые окна, приносил в палату мягкий аромат неба, томный запах земли, чарующее дыхание восточных морей. Эти запахи говорили о вечном отдыхе и нескончаемых грезах.

Каждый день Джим глядел из окна на изгороди садов, крыши домов, кроны пальм, окаймлявших берег, и дальше на рейд — путь на Восток, украшенный гирляндами островов, залитый радостным солнечным светом, на маленькие, словно игрушечные корабли, на суету сверкающего моря. Суета напоминала языческий праздник, а вечно ясное восточное небо и улыбающееся спокойное море тянулись вдаль и вширь до самого горизонта.

Как только Джим начал ходить без палки, он отправился в город разузнать о возможности вернуться на родину. Оказии все не было, и, ожидая судно, парень разговорился в порту с товарищами по профессии. Они делились на две категории.

* Заведующий хозяйством и казначей на судне. — *Здесь и далее примеч. ред.*

Одни — их было мало и в порту их видели редко — были люди с неугасимой энергией, темпераментом корсаров и взглядом мечтателей. Они блуждали в лабиринте безумных планов, надежд, опасностей, рискованных предприятий, в стороне от цивилизации, в неведомых уголках моря; смерть представлялась им единственным разумно завершенным событием. Большинство же состояло из людей, которые, попав на море, подобно самому Джиму, случайно оказались офицерами на местных судах. Теперь они с неудовольствием смотрели на службу во флоте, где дисциплина была строгой, долг считался священным, а судам постоянно грозили штормы. Эти офицеры любили покой восточного неба и моря, короткие рейсы, удобные кресла на палубе, многочисленную команду туземцев и привилегии белых. Их пугала мысль о тяжелой работе, и, полагаясь на других, они мечтали жить беззаботно и, не особенно напрягаясь, продвигаться по карьерной лестнице. Они любили толковать о случайных удачах: такой-то назначен командиром судна, крейсирующего у берегов Китая, — вот повезло, легкая работа! Другому сослуживцу досталось прекрасное место где-то в Японии, а третий преуспевает в сиамском флоте. Этих офицеров можно было понять: они хотели пройти свой жизненный путь в спокойствии и безопасности.

Сначала Джима раздражала эта толпа болтливых моряков, но мало-помалу он начал находить удовольствие от общения с ними: что тут удивительного и кто не мечтает поменьше трудиться и получать привилегии? В конце концов Джим передумал возвращаться на родину и занял предложенное ему место первого помощника капитана на «Патне».

«Патна» была очень старым пароходом, тощим, как голодная собака, и сплошь изъеденным ржавчиной. Владел ею китаец, фрахтовщиком был араб, а капитаном — один тип из Нового Южного Валлиса, по происхождению немец, который прилюдно неустанно проклинал свою родину и, подражая Бисмарку, тиранил всех, кого не боялся. Он разгуливал со свирепым и непоколебимым видом и пугал всех своими рыжими усами и отвратительным багровым носом. После того как «Патну» покрасили снаружи, побелили изнутри и кое-как приготовили

к рейсу, на борт взошли пассажиры: около восьмисот паломников, в том числе женщины и дети.

Они поднялись по сходням, подстрекаемые верой в рай, не обмениваясь ни единым словом, не оглядываясь назад, и, отойдя от перил, растеклись по палубе, спустились в зияющие люки, заполнили все уголки судна, как вода, заливающая цистерну и переливающаяся через края. Восемьсот мужчин и женщин, каждый со своими надеждами, привычками, воспоминаниями, пришли сюда с севера, юга, с далекого востока. Они пробирались по тропинкам в джунглях, спускались по течению рек, плыли в прау вдоль песчаных кос, переплывали в маленьких каноэ с острова на остров, страдали от жажды, боялись утонуть или заболеть.

Все они стремились к одной цели. Они явились из одиноких хижин, из многолюдных поселков, из приморских деревень. Они бросили свое имущество, свою нищету, друзей, родственников, могилы отцов. Пришли, покрытые пылью и грязью, в лохмотьях сильные мужчины во главе своих семей, тощие старики, не надеявшиеся на возвращение, юноши с горящими глазами, пугливые девочки со спутанными длинными волосами, робкие женщины, закутанные в покрывала и прижимавшие к груди спящих младенцев — бессознательных паломников зыскательной веры, обернутых в концы грязных головных покрывал.

— Поглядите-ка на этих убогих, — с презрением сказал капитан своему помощнику.

Араб, глава благочестивых странников, взошел на борт последним. Он поднялся медленно, красивый, серьезный, в белом одеянии и большом тюрбане. За ним вереницей семенили слуги, тащившие его багаж.

Наконец «Патна» отчалила от мола. Проскользнув между двумя островками, она пересекла стоянку парусников, прорезала отброшенный камнем полукруг в тени и приблизилась к покрытым пеной рифам. Стоя на корме, араб вслух читал молитву странников. Он призывал милость Аллаха на это путешествие, молил благословить подвиг людей и их священные устремления. В сумерках пароход рассек тихие воды пролива,

далеко за кормой маяк, установленный на предательской мели, казалось, подмигивал огненным глазом, словно насмехаясь над благочестивым паломничеством.

«Патна» пересекла залив и направилась к Красному морю под ясным безоблачным небом, укутанным в палящий блеск солнечного света, который убивает мысли, иссушает энергию, забирает силы. Под сверкающим небом синее глубокое море оставалось неподвижным, мертвым, стоячим, даже рябь не морщила его гладь. С легким шипением «Патна» неслась по этой лучезарной и гладкой равнине, развернула по небу черную ленту дыма, распустила за собой по воде белую ленту пены, которая тотчас же исчезала, словно призрачный след, начертанный на безжизненном море призрачным пароходом.

Каждое утро солнце, извергая свет, высоко поднималось над кормой, в полдень стояло в зените, изливая сгущенный огонь своих лучей на благочестивых путников, затем постепенно уходило дальше на запад и вечером таинственно погружалось в море на одном и том же расстоянии от носа «Патны». Над палубой от носа до кормы раскинулся белым сводом тент, под которым устроились пассажиры. Сменялись дни, безмолвные, горячие, тяжелые, один за другим исчезали в прошлом, словно проваливаясь в пропасть, вечно зияющую в кильватере судна. «Патна» упорно шла вперед, черная и дымящаяся, в лучезарном пространстве, будто опаленная пламенем. Это пламя безжалостно лизало ее с неба. Ночи спускались на нее, как благоговение Всевышнего.

ГЛАВА III

Дрожь под водой

Чудесная тишина объяла мир. Звезды, казалось, посылали на землю заверение в вечном умиротворении. Молодой изогнутый, низко сверкающий на западе месяц походил на тонкую стружку, отделившуюся от золотого слитка. Аравийское море, ровное и холодное, словно ледяная гладь, простиралось до темного го-

ризонта. Винт вертелся непрестанно, как ось, на которой вращалась Вселенная, а по обе стороны «Патны» на мерцающей глади протянулись две неподвижные глубокие складки воды; между этими расходящимися морщинами виднелись белые завитки вскипающей пены, легкая рябь, зыбь и маленькие волны. Эти волны, оставаясь за кормой, секунду-другую еще шевелили поверхность моря, потом с мягким плеском успокаивались, объятые тишиной моря и неба, а черное пятно — движущееся судно — по-прежнему находилось в самом центре тишины.

Джим, стоя на мостике, наслаждался прекрасной погодой и уверенностью в полной безопасности, запечатленной на спокойном безмолвном лице природы. Под тентом по примеру белых людей, спасаясь от раскаленной скорлупы корабля, спали паломники — на циновках, одеялах, на голых досках, во всех закоулках, спали, завернувшись в ткани или в грязные лохмотья. Головы людей покоились на дорожных узелках, лица были прикрыты согнутыми руками. Мужчины, женщины, дети, старые и молодые, дряхлые и здоровые — все были равны перед лицом сна, брата смерти.

Из-за быстрого хода судна ветер дул со стороны носа, прорезая мрак между высокими бульварками и проносясь над рядами распростертых тел. Тускло горели подвешенные к перекладам лампы. В неясных кругах отбрасываемого вниз света виднелись то задранный вверх подбородок, то сомкнутые веки, то темная рука с серебряными кольцами, то жалкая нагота, закутанная в рваное одеяло, то откинутаая назад голова, чья-то голая ступня или обнаженная и вытянутая, словно подставленная под лезвие ножа, шея. Зажиточные пассажиры устроили для своих семей уголки, отгородились тяжелыми ящиками и пыльными циновками, бедняки же лежали бок о бок, а все свое имущество, завязанное в узлы, засунули себе под головы. Дряхлые старики спали, подогнув колени, на молельных ковриках, прикрывая руками уши. Какой-то мужчина, втянув голову в плечи и уткнувшись лбом в колени, дремал подле растрепанного мальчика, который спал на спине, повелительно вытянув руку; женщина, прикрытая с головы до ног, словно покойница, белой простыней, держала в каждой руке по голому

ребенку; имущество араба громоздилось на корме, а лампа, спускавшаяся сверху, тускло освещала груды наваленных вещей: виднелись пузатые медные горшки, клинки копий, ножны старого меча, груды подушек, жестяной кофейник.

Патентованный лаг на поручнях кормы периодически выбивал звенящие удары, отмечая каждую пройденную судном милю. По временам над телами спящих всплывали слабые вздохи — испарения тревожного сна; из недр судна вырывался резкий металлический стук: слышно было, как скребла лопата, с шумом захлопывалась дверца печи, словно люди, работавшие там, внизу, преисполнились ярости и гнева. Стройный высокий кузов парохода мерно продвигался вперед, неподвижно застыли голые мачты, а нос упорно рассекал великий покой вод, спящих, как и паломники, под недосыгаемым ясным небом.

Джим шагал взад-вперед; в необъятном молчании его шаги раздавались особенно громко, и казалось, будто настороженные звезды отзываются на шум эхом. Глаза помощника капитана, блуждая вдоль линии горизонта, жадно вглядывались в недосыгаемую даль и не замечали тень надвигающейся катастрофы. Над морем висел черный дым, тяжело выбрасывающий из трубы свой широкий флаг, конец которого растворялся высоко в воздухе. Два малайца, молчаливые и медлительные, стояли по обе стороны штурвала; медный обод колеса блестел в овальном пятне света, отбрасываемого лампой нактоуза. По временам черная рука, то отпуская, то снова сжимая спицы, вырисовывалась на светлом пятне; звенья рулевых цепей тяжело скрежетали в полостях цилиндров.

Джим поглядывал на компас, на далекий горизонт и потягивался так, что хрустели суставы, лениво изгибался всем телом, охваченный сознанием собственного благополучия. Ничем не нарушаемое спокойствие природы убаюкивало его; он чувствовал: что бы сейчас ни случилось, ему совершенно не о чем беспокоиться. Изредка он нехотя взглядывал на карту, укрепленную кнопками на низком трехногом столике, стоявшем позади руля. При свете круглой лампы, подвешенной к стойке, морское дно, изображенное на карте, выглядело таким же ровным и безмятежным, как мерцающая гладь вод

за кормой. На карте лежала линейка для прочерчивания параллелей и циркуль. Положение судна в полдень было отмечено маленьким черным крестиком, а твердая прямая линия, проведенная карандашом до Перима, обозначала курс «Патны»: тот путь, каким паломники следовали к священному месту, к обещанному блаженству, к вождеденному раю. Карандаш, острием касавшийся берега Сомали, лежал на карте длинный и неподвижный, словно мачта в заводи защищенного дока.

«Какой мерный ход у судна!» — с удивлением думал Джим, восхищаясь великим покоем моря и неба. В такие минуты его мысли вращались вокруг доблестных морских подвигов, он любил свои мечты и воображаемые успехи. Это было самое ценное в его жизни, ее тайная сущность, скрытая реальность. В мечтах он видел себя мужественным героем, перед его мысленным взором нескончаемой вереницей проходили славные свершения, которые опьяняли его душу божественным напитком — гордостью за себя самого. Он храбрый моряк, и нет ничего, чему он не мог бы противостоять. Сейчас эта мысль так понравилась ему, что, глядя вперед, он улыбнулся и долго смотрел на белую полосу, проведенную по морской глади килем судна, — такую же прямую и четкую, как черная линия, нанесенная карандашом на карту.

Ведро с золой упало и ударились о вентилятор топки. Этот металлический звук напомнил Джиму, что скоро конец его вахты. Он с облегчением вздохнул, немного сожалея о том, что придется расстаться с невозмутимым спокойствием, дающим свободу его мечтам. Ему хотелось спать, он ощущал приятную истому во всем теле, и ему казалось, будто вся его кровь превратилась в теплое молоко.

На мостик бесшумно поднялся шкипер; он был в пижаме, и расстегнутая куртка обнажала его грудь. Он еще не совсем проснулся, лицо у него было красное, левый глаз полузакрыт, правый, мутный, тупо вытаращен; свесив большую голову над картой, он сонно чесал себе бок. Было что-то неприятное в его голом теле. Грудь его неопытно лоснилась от пота. Он что-то сказал хриплым безжизненным голосом, напоминавшим скрежущий звук пилы; его двойной подбородок свисал, как

мешок, подтянутый к самому основанию челюсти. Джим встретился и почтительно ответил начальнику, но отвратительная жирная фигура шкипера навсегда запечатлелась в памяти молодого человека как воплощение чего-то порочного и подлого, несовместимого с тем, что мы ценим в окружающем мире, в дорогих нам людях, картинах, звуках, наконец просто в воздухе, наполняющем наши легкие.

Тонкая золотая стружка месяца, медленно опускаясь, погрузилась в потемневшую воду, и вечность словно придвинулась к земле, ярче замерцали звезды, гуще заблестел полупрозрачный купол, нависший над плоским диском темного моря. Судно скользило так, что движения вперед не ощущалось, будто «Патна» была планетой, которая неслась сквозь черные пространства эфира за роем ярких солнц.

— Ну и пекло внизу! — раздался чей-то голос.

Джим, не оборачиваясь, улыбнулся. Шкипер невозмутимо стоял, повернувшись к помощнику своей широкой спиной. Немец обычно сначала не замечал ничего присутствия, а затем, пожирая глазами подчиненного, с пеной у рта раздражался таким потоком брани, который вырывался, как из водосточной трубы. Сейчас он что-то угрюмо проворчал. Второй механик поднялся на мостик и, вытирая влажные ладони грязной тряпкой, стал жаловаться на моряков-бездельников. Сидят здесь наверху, какой от них толк? Ведут судно механики, и они сумели бы справиться и со всем остальным, они...

— Замолчите, — тупо проворчал шкипер.

— Ну еще бы! Замолчать! А если что неладно, вы сразу бегите к нам! — продолжал возмущаться механик. Он уже наполовину спекся там, внизу. И вообще ему теперь все равно: сколько бы он ни нагрешил, за последние три дня он получил наглядное представление о том местечке, куда после смерти отправляются дрянные людишки. Ей-богу, получил и вдобавок оглох там, внизу, от адского шума. Проклятое старое корыто грохочет и тарактит, словно старая лебедка на палубе. Какого черта ему рисковать своей жизнью ночи и дни напролет среди всей этой рухляди?! Должно быть, он от рождения такой невезучий. Он...

— Да уймитесь вы! Где успели нализаться? — разозлился немец.

Шкипер кипел от гнева, хотя стоял совершенно неподвижно, освещенный лампой нактоуза и похожий на массивную тушу упрямого быка, а Джим по-прежнему безмятежно улыбался, глядя на отступающий горизонт.

— Нализаться, — презрительно повторил механик, обеими руками уцепившись за поручни. — Да уж не вы меня напоили, капитан. Слишком вы скупой, ей-богу. Скорее уморите парня, чем предложите ему капельку влаги. Это у вас, немцев, называется экономией. На пенни ума, на фунт глупости.

Второй механик чувствовал настоящую потребность поговорить и излить душу. Оно и понятно: часов в десять вечера первый механик налил ему рюмочку. Всего-навсего одну, ей-богу! Добрый старичок, но теперь старого плута не стащить с койки, не поднята даже пятитонным краном! Во всяком случае, не сегодня. Он спит, словно младенец, а под подушкой у него лежит бутылка с первоклассным бренди.

Командир «Патны» смачно выругался, и слово «schwein» запорхало, как капризное перышко, подхваченное ветерком. Шкипер и первый механик были знакомы много лет: когда-то они вместе служили веселому бодрому старику-китайцу, носившему очки в роговой оправе и вплетавшему красные шелковые тесемочки в свою седую косицу. Жители побережья придерживались того мнения, что эти двое, шкипер и механик, по части плутовства — два сапога пара, хотя внешне они были совсем разные: один — грузный и мясистый, с мутными глазами, другой — тощий, как старая кляча, костлявый, с впалыми щеками и остекленевшим взглядом.

Первого механика выбросило на берег где-то на востоке: в Кантоне, или Шанхае, или в Йокогаме, — он и сам не помнил, где именно и почему произошло крушение корабля, на котором он плыл. Ему, в то время молодому юноше (дело было лет двадцать назад), удалось спастись, а тогда в восточных морях только-только начинало развиваться пароходство, механиков вначале не хватало, поэтому его карьера пошла в гору. Всем знакомым он с гордостью сообщал, что он — здешний «старожил».

Когда первый механик ходил по судну, казалось, будто скелет болтается в его мундире. Раскачиваясь, он бродил вокруг застекленного люка или машинного отделения, курил, набивал табаком медную чашечку, приделанную к мундштуку из вишневого дерева, и носил на лице глупо-торжественную мину мыслителя — творца новой философской системы. Обычно он пил в одиночку и держал запас спиртного только для себя, но в ту ночь изменил своей привычке и уважил сослуживца. Вот почему второй механик, угостившись бренди, сделался веселым, дерзким и болтливым, а ума у него, признаться, и на трезвую голову было немного...

Немец из Нового Южного Валлиса бесновался и сопел, а Джим, забавляясь этим зрелищем, с нетерпением ждал, когда можно будет спуститься в каюту: последние десять минут вахты казались ему особенно утомительными. Ни капитану, ни механикам не было места в воображаемом мире Джима, полном героических приключений, хотя Джим считал своих старших сослуживцев неплохими парнями. Даже капитана... Конечно, иногда Джима раздражала эта жирная туша, изрыгающая брань, но черт с ним в конце концов; приятная усталость конца вахты не давала Джиму ощущать явную неприязнь к кому бы то ни было. Что ему за дело до капитана и механиков? Да, он работает с ними бок о бок, но больше их ничто не связывает, они, можно сказать, даже дышат разным воздухом, ведь Джим рожден для подвигов, он незаурядный, не такой, как все. Интересно, подерется шкипер со вторым механиком или нет? Жизнь вдруг показалась Джиму такой легкой и приятной, и он был слишком уверен в себе, чтобы... Черта, отделявшая его размышления от дремоты, сделалась тоньше паутинки.

Тем временем второй механик перешел к рассуждениям о своем финансовом положении и чувстве собственного достоинства.

— Кто пьян? Я? Ничего подобного, капитан! Пора уж вам знать, что наш первый механик не слишком-то щедр и даже воробья допьяна не напоит, ей-богу! На меня алкоголь никогда не действовал, нет такого зелья, от которого бы я опьянел! Давайте пить на пари: вы — виски, а я жидкий огонь, и, ей-богу,

я останусь свежим, как огурчик. Хоть сейчас! А с мостика я не уйду. Где мне еще подышать свежим воздухом в такую ночь, как сегодня? Не на палубе же со всяким сбродом?! И не подумай! Чего мне вас бояться?

Немец воздел свинцовые кулаки к небу и безмолвно потряс ими.

— Я никого и ничего не боюсь, — с пьяным занудством твердил механик. — Не боюсь проклятой работы на этой гнилой посудине. Радуйтесь, что на свете есть такие люди, которые не дрожат за свою шкуру, иначе... Что бы вы без нас делали, вы и эта старая калоша с обшивкой из просмоленной бумаги? Вам-то хорошо, вы и из нее вытягиваете монету, а мне что прикажете делать? Сколько я получаю? Жалкие сто пятьдесят долларов в месяц! Покорно благодарим. Позвольте спросить вас, почтительно, заметьте, кто станет цепляться за такую работу? Опасную причем! Но я один из тех бесстрашных парней...

Он отпустил поручни и стал размахивать руками, словно желая нагляднее продемонстрировать, насколько он храбр, его тонкий визгливый голос взлетал над морем, механик встал на цыпочки и принялся кричать еще громче, как вдруг... полетел вниз головой, будто его сзади подшибли палкой. Падая, он заорал:

— Дьявольщина!

За воплем последовало минутное молчание. Джим и капитан пошатнулись, но удержались на ногах и, выпрямившись, с изумлением поглядели на невозмутимую гладь моря. Потом взглянули вверх на звезды. Что случилось? По-прежнему раздавался приглушенный стук машин. Такое впечатление, что земля споткнулась на своем пути. Они ничего не понимали, и внезапно тихое море и безоблачное небо показались им обидно жутко ненадежными в своей неподвижности. Механик с трудом поднялся и съежился в неясный комок, который произнес сдавленным голосом:

— Что это такое?

Тихий шум, словно бесконечно далекие раскаты грома, слабый звук — не вибрация ли воздуха? — и судно задрожало в ответ, как будто глубоко под водой грохотал гром. Два малайца

у штурвала, блестя глазами, смотрели на белых людей, но темные руки по-прежнему уверенно сжимали спицы. Острый кузов «Патны», стремясь вперед, казалось, постепенно приподнимался на несколько дюймов, словно делался гибким, а потом снова опускался и по-прежнему рассекал гладкую поверхность вод. Дрожь прекратилась, и слабые раскаты грома сразу смолкли, будто судно оставило за собой узкую полоску вибрирующей воды и звучащего воздуха.

ГЛАВА IV

Допрос

Месяц спустя, когда Джим в ответ на вопросы пытался рассказать о происшедшем, он выразился так:

— Судно прошло через что-то так же легко, как змея переползает через палку.

Сравнение вышло удачное. Допрос преследовал целью выяснить фактическую сторону дела, разбиравшегося в административном суде одного восточного порта. С пылающими щеками Джим стоял за конторкой на возвышении в прохладной высокой комнате, большие пунки* тихо вращались над его головой, снизу на него смотрели глаза, в его сторону были повернуты лица: темные, белые, красные, внимательные, словно все эти люди, сидевшие на узких скамейках, были загипнотизированы его голосом. Голос звучал четко, и Джиму он казался жутким — он воспринимал его как единственный звук во всей Вселенной, а вопросы, которые ему задавали, резкие, тревожные и острые, вызывали у него нервную дрожь. Снаружи пламенело солнце, а здесь, в помещении, ветер, нагнетаемый пунками, заставлял ежиться, от стыда Джима бросало в жар, внимательные глаза окружающих кололи, будто иголки. Председатель суда, гладко выбритый человек с бесстрастным лицом, которое рядом с загорелыми темными лицами двоих морских

* Вентиляторы на Востоке.

ассессоров* выглядело мертвенно-бледным, продолжал вести допрос. Сверху, из широкого окна под потолком, на судей падал свет, и их головы и плечи отчетливо выделялись в полумраке большой комнаты, аудитория которой напоминала сонмище призраков с неподвижными глазами. Судьям нужны были факты. Факты! Как будто эти факты могли объяснить все.

— Решив, что вы натолкнулись на что-либо, например, на обломок другого судна, вы по приказу капитана отправились в носовую часть проверить, не получила ли «Патна» повреждений. Вы допускали их вероятность, принимая во внимание силу удара? — спросил ассессор, сидевший слева, человек с жидкой бородкой, по форме напоминавшей подкову, и выдающимися вперед скулами.

Опираясь локтями о стол, ассессор сжимал свои волосатые руки и в упор смотрел на Джима задумчивыми голубыми глазами. Второй заседатель, грузный мужчина с выражением презрения на лице, сидел, откинувшись на спинку стула, и, вытянув левую руку, барабанил пальцами по блокноту. Посредине председатель в широком кресле склонил голову на плечо и скрестил руки на груди, рядом с его чернильницей стояла стеклянная вазочка с цветами.

— Поначалу не допускал, — ответил Джим. — Мне приказали никого не звать и не шуметь, чтоб не вызвать паники. Этот приказ я счел разумным. Я взял одну из ламп, висевших под тентом, и пошел на нос «Патны». Открыв люк в передний трюм, я услышал плеск. Тогда я спустил лампу, насколько позволяла веревка, и увидел, что носовое отделение наполовину залито водой. Тут я понял, что где-то ниже ватерлинии образовалась большая пробоина.

Он замолчал.

— Так... — протянул толстый ассессор, с мечтательной улыбкой глядя в блокнот. Мужчина, не переставая, стучал пальцами, но прикасался к бумаге почти бесшумно.

— В тот момент я не думал об опасности. Наверное, я был взволнован: все это произошло так неожиданно! Я знал, что

* Ассессоры — заседатели, которые судят совместно с судьей.

на судне нет другой переборки кроме той, что отделяла носовую часть от переднего трюма. Я пошел назад доложить капитану. У трапа я столкнулся со вторым механиком; он как будто был оглушен и сказал мне, что, похоже, сломал себе левую руку. Спускаясь, он поскользнулся на верхней ступеньке и упал, пока я был в носовой части. Механик воскликнул: «Боже мой! Через минуту эта гнилая переборка рухнет и проклятое корыто, словно глыба свинца, пойдет вместе с нами ко дну». Он оттолкнул меня правой рукой и, опередив, с криком взбежал по трапу. Я следовал за ним и видел, как капитан набросился на него и повалил на спину. Он его не бил, а наклонился к нему и стал сердито, но очень тихо что-то ему выговаривать. Думаю, он его спрашивал, почему он не пойдет и не остановит машины, вместо того чтобы устраивать скандал. Я слышал, как капитан крикнул: «Вставай! Беги живей!» — и выругался. Механик бросился вниз и обогнул застекленный люк, направляясь к трапу машинного отделения на левом борту. На бегу он стонал...

Джим говорил медленно, и воспоминания его были удивительно отчетливы. Если бы эти люди, требующие фактов, пожелали, он мог бы, как эхо, воспроизвести даже стоны механика. Когда улеглось возмущение, Джим пришел к выводу, что лишь скрупулезная точность рассказа поможет выявить подлинный ужас происшедшего. Факты, которые требовались судьям, были видимы, осязаемы, ощутимы, занимали место во времени и пространстве. Но помимо этого было и что-то иное, невидимое — дух, ведущий к гибели, словно злобная душа в отвратительном теле. И это Джиму хотелось установить. Событие не являлось ординарным. Каждая мелочь имела величайшее значение, и, к счастью, он запомнил все. Он желал говорить ради истины, а также ради себя самого; его слова были обдуманно, а мысль металась в сжимавшемся круге фактов, обступавших его плотной стеной, чтобы отрезать от остальных людей. Джим походил на животное, которое, очутившись за высокой изгородью и обезумев, мечется туда-сюда в поисках какой-нибудь щели, дыры, куда можно юркнуть и спастись. Эта напряженная работа мысли по временам заставляла его запи- наться, хотя в целом он отвечал на вопросы четко и подробно.

— Капитан по-прежнему ходил взад-вперед по мостику, держался спокойно, но несколько раз споткнулся. Когда я заговорил с ним, он наткнулся на меня, точно слепой, и ничего толком мне не ответил. Он что-то бормотал про себя, я разобрал несколько слов: «Проклятый пар!» и «Дьявольский пар!» — в общем, что-то о паре. Я подумал...

Джима прервали новым вопросом о фактической стороне дела, и по его лицу прошла судорога боли, его охватили бесконечное уныние и усталость. Он приближался к этому, приближался и теперь, грубо оборванный, должен был отвечать предельно односложно: да или нет. Он ответил правдиво и кратко: «Да». Высокий красивый юноша с мрачными глазами, он стоял, выпрямившись, на возвышении, а душа его стонала от муки. Ему пришлось ответить еще на один вопрос *по существу* и снова ждать. Во рту у него пересохло, словно он наглотался пыли, и он ощутил горько-соленый вкус морской воды. Он вытер влажный лоб, провел языком по сухим губам и почувствовал, как дрожь пробегает у него по спине.

Тучный ассессор опустил глаза, продолжая беззвучно барабанить по блокноту, взгляд второго ассессора, переплетавшего свои загорелые пальцы, казалось, ничего не выражал; председатель слегка наклонился и приблизил бледное лицо к цветам. Ветер, нагнетаемый пунками, обвевал темнолицых туземцев в широких одеяниях и вспотевших европейцев в тиковых костюмах, облежавших их тела плотно, как кожа. Они сидели рядом на скамьях, держа на коленях круглые пробковые шляпы. Вдоль стен шныряли босоногие туземцы-констебли в длинных белых балахонах с красными поясами, в красных тюрбанах; они сновали взад-вперед, бесшумные, как призраки, и проворные, как гончие.

Взгляд Джима задержался на белом человеке, сидевшем в сторонке; лицо у него было усталое, спокойные глаза смотрели в упор. Джим ответил на очередной вопрос судей и почувствовал искушение крикнуть на весь зал: «Что толку в этих вопросах и ответах? Какой от них прок?» Но не крикнул, закусил губу и посмотрел на публику на скамьях. Он опять встретился взглядом с тем белым человеком. Глаза незнакомца,

живые и ясные, не походили на мутные или остекленевшие глаза всех прочих. В его взгляде была воля, что чувствовалось сразу. В перерыве между двумя вопросами Джим в очередной раз посмотрел на белого человека и подумал: «Этот парень глядит на меня так, словно видит кого-то за моим плечом. Я где-то видел этого мужчину, может, на улице, хорошо бы поговорить с ним. Я уже много дней ни с кем не разговаривал — лишь с самим собой, словно узник в одиночной камере или странник в пустыне». Сейчас Джим отвечал на вопросы, лишённые всякого смысла, хотя и нужные следствию, и мечтал о том, что встретит человека, с которым можно поделиться самым сокровенным. Да, правдиво высказаться обо всем, а иначе зачем ему дар речи? Тот белый человек как будто понимал мучительность положения Джима. Джим снова взглянул на него и вдруг решительно отвернулся, словно навеки распрощавшись.

Не раз впоследствии в далеких уголках земли капитан Марлоу с удовольствием вспоминал о Джиме, рассказывал о нем подробно и вслух. Случалось это обычно после ужина на веранде, задрапированной неподвижной листвой и цветами, в глубоких сумерках, исколотых огненными точками сигар. В тростниковых креслах сидели молчаливые слушатели. Изредка маленькое красное пятнышко поднималось и, разгораясь, освещало пальцы вялой руки или вспыхивало красноватым блеском в задумчивых глазах, озаряло кусочек гладкого лба. Приступая к рассказу, Марлоу спокойно вытягивался в кресле и сидел совершенно неподвижно, его окрыленный дух возвращался в глубину времен, и прошлое начинало вещать его устами.

ГЛАВА V

Миллионы розовых жаб

— Я был на разборе дела «Патны», — сообщал он, — и до сих пор удивляюсь, зачем я пошел туда. Я верю, что каждый из нас имеет своего ангела-хранителя, но, согласитесь со мной, к каж-

дому из нас приставлено и по дьяволу. Я требую, чтобы вы это признали, ибо не желаю быть человеком исключительным, а я знаю: у меня есть дьявол. Конечно, я его не видел, но доказательства у меня имеются. Он ко мне приставлен, а так как по природе своей он зол, то и впутывает меня в подобные истории. Какие именно? — спросите вы. Ну, скажем, судебное следствие, история с желтой собакой... Вы сочтете маловероятным, чтобы облезлой туземной собаке позволили крутиться у ног людей на веранде того здания, где заседал суд. Вот какими сложными, извилистыми путями дьявол заставляет меня сталкиваться с людьми, наделенными уязвимыми местечками, скрытыми пятнами проказы. Клянусь Юпитером, при виде меня развязываются языки и начинаются признания — как будто мне самому не в чем себя упрекнуть, как будто у меня самого не найдется таких деяний, за которые мне будет стыдно до конца жизни. Хотелось бы знать, чем я заслужил такую милость? Заметьте, что у меня забот не меньше, чем у всякого другого, а воспоминаний столько же, сколько у любого паломника в этой долине. Как видите, я не особенно заслуживаю выслушивать признания. Так в чем же дело? Не знаю, может, это нужно лишь для того, чтобы скоротать послеобеденное время. Дорогой мой Чарли, ваш обед был очень хорош, и в результате этим господам спокойный роббер кажется утомительным и шумным занятием. Они развалились в удобных креслах и думают: «К черту всякие упражнения! Пусть Марлоу рассказывает». Значит, рассказывать? Пусть будет так!

Приятно говорить о мистере Джиме после хорошего обеда, находясь на высоте двухсот футов над уровнем моря, когда под рукой ящик с приличными сигарами, а вечер прохладен и залит звездным светом. В таких условиях легко позабыть о том, что все мы в этом мире подвержены испытаниям, что порой нам приходится пробивать себе дорогу под перекрестным огнем, ценить каждую минуту, нести ответственность за любой неправимый шаг и верить, что в конце концов нам все-таки удастся выпутаться из всех бед и передрыг. Однако подлинной уверенности в благополучном исходе у нас нет, и те, с кем сталкивает нас жизнь, далеко не всегда способны нам помочь.

Впервые я встретился с Джимом взглядом на этом судебном следствии. Все, кто в той или иной мере был связан с морем, явились на заседание суда, ибо еще задолго вокруг дела «Патны» поднялся шум — с того самого дня, как пришла неожиданная телеграмма из Эдена, вызвавшая столько пересудов. Я употребляю слово «неожиданная», хотя она преподносила всего лишь голый факт — такой безобразный, каким могут быть только факты. Все побережье ни о чем другом и не говорило. Начать с того, что, одеваясь утром в своей каюте, я услышал через переборку, как мой парс Дубаш лопотал с баталером* о «Патне». Не успел я сойти на берег, как встретил знакомых, спросивших у меня: «Слышали о “Патне”»? Не правда ли, это просто поразительно!» Некоторые цинично улыбались, другие делали грустные лица либо раздражались ругательствами. Люди совершенно незнакомые фамильярно заговаривали только для того, чтобы изложить свой взгляд на этот инцидент. Те же речи я слышал и в управлении портом, и от каждого судового маклера, от агентов, от белых, от туземцев, даже от полуголых лодочников, сидящих на каменных ступенях мола. Иные негодовали, многие шутили, и все без конца обсуждали вопрос, что же, собственно, произошло с «Патной».

Прошло недели две, если не больше, и все стали склоняться к мнению, что это таинственное дело обернется трагической стороной. И тут в одно прекрасное утро, стоя в тени у ступеней управления портом, я увидел четверых человек, шедших по набережной мне навстречу. Я удивился, откуда взялась такая странная делегация, и вдруг, если можно так выразиться, мысленно возопил: «Да ведь это они!» Да, это были они — трое крупных мужчин, а один такой толстый, каким человеку просто-напросто стыдно быть. Сытно позавтракав, они только что высадились с идущего за границу парохода Северной линии, который вошел в гавань через час после восхода солнца. Сомнений не оставалось: с первого взгляда я узнал веселого шкипера «Патны» — самого жирного человека в тропиках, опоясывающих нашу слав-

* Баталер (*фр. batailleur*) — лицо, ведающее на кораблях и базах продовольственным, вещевым и другим снабжением.

ную старушку-землю. Месяцев девять назад я встретился с ним в Семаранге. Пароход его грузился на рейде, а он на чем свет стоит ругал германскую империю со всеми ее институтами и по целым дням накачивался пивом в задней комнате при лавке де Джонга. Наконец де Джонг, который, и глазом не моргнув, лупил со шкипера по гульдену за бутылку, отозвал меня в сторону и, сморщив свое маленькое лицо, заявил: «Торговля — торговлей, капитан, но от этого типа меня мутит. Тьфу!»

Стоя в тени на набережной, я внимательно смотрел на толстяка. Он шел немного впереди своих спутников, и солнечный свет, падая прямо на него, особенно резко подчеркивал его толщину. Он походил на дрессированного слоненка, вышагивающего на задних ногах. Костюм его был отвратителен: не первой свежести пижама с ярко-зелеными и оранжевыми полосками, рваные соломенные туфли на босу ногу и очень грязная, как будто найденная на помойке пробковая шляпа, которая была ему мала и держалась на его огромной голове с помощью манильской веревки. Не представляю, где он вообще ухитряется доставать одежду таких размеров. Так вот он стремительно летел вперед, не глядя по сторонам; прошел в трех шагах от меня и атаковал лестницу, ведущую в управление портом. Толстяк явился туда сделать доклад.

По-видимому, он прежде всего обратился к помощнику начальника порта Арчи Рутвелу, который только что прибыл в контору и, как он впоследствии рассказывал, собирался начать трудовой день с нагоняя своему главному клерку. Вы знаете этого типа — услужливый маленький португалец-полукровка с тощей шеей, вечно старающийся выудить у шкиперов что-нибудь съестное: кусок солонины, мешок с сухарями либо что другое. Помню, один раз я подарил ему живую овцу из своих судовых запасов. Меня растрогала его детская вера в священное право на побочные доходы. Согласитесь, это расовая черта — даже двух рас, пожалуй, да и климат имеет значение. Однако это к делу не относится. Во всяком случае, я знаю, где мне искать истинного друга.

Итак, Рутвел читал клерку суровую проповедь — полагаю, на тему о моральном облике должностных лиц, — когда услышал

за спиной сопение, чьи-то тяжелые шаги и, повернув голову, увидел что-то круглое, похожее на сахарную голову, завернутую в полосатую фланель и вздымающуюся посреди просторной канцелярии. Рутвел был до того ошеломлен, что долго не мог сообразить, живое ли перед ним существо, и дивился, какого черта этот субъект водрузился перед его конторкой. За аркой, выходящей в переднюю, толпились слуги, приводившие в движение пунки, туземцы-констебли, боцман и команда портового катера — все они вытягивали шеи и напирали друг на друга. Подлинное столпотворение. Тем временем толстый шкипер ухитрился снять с головы шляпу и с легким поклоном приблизился к Рутвелу, на которого это зрелище подействовало так сильно, что он, слушая, долго не мог понять, чего хочет этот тип. Тот вещал хриплым замогильным голосом, но держался развязно, и мало-помалу до Арчи дошло, что дело «Патны» принимает новый оборот. Как только Арчи сообразил, кто перед ним стоит, ему стало не по себе, ведь он такой чувствительный, однако он взял себя в руки и крикнул:

— Довольно! Я не могу вам ничем помочь. Идите к начальнику порта... Капитан Эллиот — вот кто вам нужен. Сюда, сюда!

Он вскочил, обежал вокруг длинной конторки и стал подталкивать толстяка-шкипера; удивленный немец сначала повиновался, и только у двери кабинета какой-то животный инстинкт шепнул ему поостеречься: он уперся и зафыркал, словно испуганный бык:

— В чем дело? Пустите меня! Послушайте!

Арчи без стука распахнул двери.

— Капитан «Патны», сэръ! — доложил он. — Пожалуйте, капитан.

Он увидел, что старик Эллиот, что-то писавший, резко поднял голову, и пенсне слетело у него с носа. Арчи захлопнул дверь и бросился к конторке, где его ждали бумаги, принесенные на подпись. Но шум, поднявшийся в кабинете, был таков, что чиновник не мог прийти в себя и вспомнить, как пишется его собственное имя. Арчи — наверное, самый щепетильный помощник начальника порта на обоих полушариях. Позже он

СОДЕРЖАНИЕ

Прыжок за борт

<i>Перевод с англ. Александры Кривцовой</i>	5
Глава I. Тщеславие — это суетно	7
Глава II. «Патна»	12
Глава III. Дрожь под водой	16
Глава IV. Допрос	24
Глава V. Миллионы розовых жаб	28
Глава VI. Недоразумение	45
Глава VII. Восемьсот человек и семь шляпок	62
Глава VIII. Исповедь без отпущения грехов	71
Глава IX. В глубокую-преглубокую яму	80
Глава X. Шляпка, затерянная в море	87
Глава XI. Чтобы спастись	99
Глава XII. На буксире	103
Глава XIII. Некуда идти	110
Глава XIV. Остров с гуано	120
Глава XV. Соломинка утопающего	131
Глава XVI. Убежище	135
Глава XVII. Подаренное доверие	141
Глава XVIII. Земля слишком мала	144
Глава XIX. Наперегонки с прошлым	152
Глава XX. Романтики	157
Глава XXI. Опасения	169
Глава XXII. В Патюзан!	175
Глава XXIII. То же самое, что труп	179
Глава XXIV. Собственник и пленник	186
Глава XXV. Алланг, Дорамин и шериф Али	191
Глава XXVI. Военачальник	199

Глава XXVII. Сдержанть дрожь.....	204
Глава XXVIII. Джьоз — драгоценный камень.....	209
Глава XXIX. Корнелиус.....	215
Глава XXX. Вызов.....	220
Глава XXXI. Покушение	224
Глава XXXII. Смятение	231
Глава XXXIII. Призракъ страха	235
Глава XXXIV. Все равно что ребенок.....	243
Глава XXXV. «Скажьте им...».....	249
Глава XXXVI. В тени облака	254
Глава XXXVII. Потрясение	257
Глава XXXVIII. Браун и его пираты.....	264
Глава XXXIX. Союзники и враги	270
Глава XL. Иуда	277
Глава XLI. Пока крыса не сдохнет.....	285
Глава XLII. Роковое решение	291
Глава XLIII. Кружьным путем.....	297
Глава XLIV. Бойня в лагере.....	304
Глава XLV. Невоплощенный дух.....	308

Літературно-художнє видання

Серія «Світ пригод»

КОНРАД Джозеф
Стрибок за борг
Роман
(російською мовою)

Укладач *Ольга Дидикіна*

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Художній редактор *А. В. Ачкасова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Комп'ютерна верстка *О. М. Заліпаєвої*
Коректор *О. А. Степанова*

Підписано до друку 16.05.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Newton». Ум. друк. арк. 16,8. Наклад 12 100 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000. 61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдва, 11.
Свідцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

Серия «Мир приключений»

КОНРАД Джозеф
Прыжок за борг
Роман

Составитель *Ольга Дыдыкина*

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Художественный редактор *А. В. Ачкасова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Компьютерная верстка *Е. М. Залыпаевой*
Корректор *О. А. Степанова*

Подписано в печать 16.05.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 16,8. Тираж 12 100 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000. 61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Джим змалку мріяв про небезпечні морські подорожі, про шторми та бурі, про команду справжніх морських вовків. І ось його мрія здійснилася: Джим став помічником капітана. Але несправне судно ледь не зазнає кораблетроші, життя 800 пасажирів у небезпеці, а боягузливий капітан кидає людей в біди. Джим не може пробачити собі легкодухості й готовий постати перед судом, хоча інші члени команди просто втекли від правосуддя... Спізнавши усю гіркоту зради і несправедливості, ганьби і звинувачень у боягузтві, Джим вирушає до лісів Малайї, аби там випробувати свою долю і почати нове життя.

Конрад Дж.

К64 Прыжок за борт : роман / Джозеф Конрад ; пер. с англ. А. Кривцовий. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 320 с. — (Серия «Мир приключений», ISBN 978-617-12-2483-4)

ISBN 978-617-12-4556-3

Джим с детских лет грезил об опасных морских путешествиях, о штормах и бурях, о команде настоящих морских волков. И вот его мечта сбылась: Джим стал помощником капитана. Но неисправное судно едва не терпит крушение, жизнь 800 пассажиров под угрозой, а трусливый капитан бросает людей в беде. Джим не может простить себе малодушия и готов предстать перед судом, хотя другие члены команды попросту сбежали от правосудия... Познавший всю горечь предательства и несправедливости, позора и обвинений в трусости, Джим отправляется в леса Малайи, дабы там испытать свою судьбу и начать новую жизнь.

УДК 821.111